

Научная статья

УДК 821.161.1+81.42

DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-2-115-125

Мотив полета в лирике А. Д. Раевского

Ирина Алексеевна Пушкарева¹

Юлия Евгеньевна Пушкарева²

¹ Кузбасский гуманитарно-педагогический институт
Кемеровского государственного университета
Новокузнецк, Россия

² Северо-Западный институт управления
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
Санкт-Петербург, Россия

¹ Irina_Pushkareva2016@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2161-4039>

² j.e.pushkareva2016@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0008-4592-8001>

Аннотация

Представлены результаты филологического анализа мотива полета в лирике современного кузбасского поэта А. Д. Раевского. При анализе стихотворений с мотивом полета использована тематическая классификация текстов, были выявлены и последовательно рассмотрены пять групп стихотворений: 1) стихотворения, где сам сюжет полета является центральным; 2) стихотворения, связанные с темой детства и образом родины, ностальгией, воспоминаниями о прошлом; 3) пейзажные стихотворения, сюжет которых строится вокруг природных образов; 4) любовная лирика; 5) философские стихотворения с метафизической, экзистенциальной проблематикой.

Мотив полета занимает важное место в поэзии Раевского и выполняет ряд функций: передает психологическое состояние лирического героя; становится элементом философской тематики стихотворения, соотносясь с темами смысла жизни, смерти, души; является элементом пространства, позволяющим ярче и эмоциональнее развить хронотоп стихотворения.

Ключевые слова

филологический анализ текста, региональная литература, А. Д. Раевский, мотив полета

Для цитирования

Пушкарева И. А., Пушкарева Ю. Е. Мотив полета в лирике А. Д. Раевского // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 2: Филология. С. 115–125. DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-2-115-125

Motif of Flight in the Poems by A. D. Raevsky

Irina A. Pushkareva¹, Yulia E. Pushkareva²

¹ Kuzbass Institute of Humanities and Pedagogy
of Kemerovo State University
Novokuznetsk, Russian Federation

² Northwestern Management Institute of Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
St. Petersburg, Russian Federation

¹ Irina_Pushkareva2016@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2161-4039>

² j.e.pushkareva2016@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0008-4592-8001>

Abstract

Purpose. The article contains results of philological analysis of the motif of flight in the poems by the contemporary Kuzbass poet A. D. Raevsky. The material for analysis is *The Golden Bug* (Zolotoy Zhuk; 2021), a collection of works of different periods. Poems containing the motif of flight are analyzed and classified by topic.

© Пушкарева И. А., Пушкарева Ю. Е., 2024

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 2: Филология. С. 115–125

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2024, vol. 23, no. 2: Philology, pp. 115–125

Results. The authors consider five groups of poems: 1) poems where flight is the central element of the plot; 2) poems tied to childhood, homeland, nostalgia, memories of the past; 3) landscape poems dedicated to nature; 4) love poems; 5) philosophical poems with metaphysical, existential topics.

The motif has a range of functions: 1) expresses psychological state of the hero, for example, his joy or delight, love, passion, fatigue, sorrow, calmness; 2) becomes an element of the philosophical plot of the poem corresponding to such topics as sense of life, death, soul; 3) becomes an element of the space developing the chronotop of the poem, making it bright and emotional.

Conclusion. The motif of flight expressed with various verbs and nouns plays an important role in the poetry by Raevsky. It is associated with love, nature, freedom, homeland, family members, memory and nostalgia, as well as with philosophical topics such as death and sense of life. Various images, from animals (birds, horses, etc.) and natural objects (leaves, clouds) to supernatural creatures (a flying horse, a witch) reveal this motif.

Keywords

philological text analysis, regional literature, A. D. Raevsky, motif of flight

For citation

Pushkareva I. A., Pushkareva Yu. E. Motif of Flight in the Poems by A. D. Raevsky. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2024, vol. 23, no. 2: Philology, pp. 115–125. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-2-115-125

Введение

Анализ мотивов художественных текстов связан с исследованием эстетического единства содержания и формы и, согласно характеристике М. Л. Гаспарова, соотносится с верхним (идейно-образным) уровнем анализа [Гаспаров, 2001, с. 17], позволяя выявить содержательные доминанты произведения – «тот проблемно-смысловой стержень, которые обеспечивает системно-целостное единство содержания» [Есин, 1998, с. 174].

В понимании мотива мы исходим из определения А. Н. Веселовского: «Надо <...> отличить мотив от сюжета как комплекса мотивов. Под мотивом я разумею формулу, отвечающую на первых порах общественности на вопросы, которые природа всюду ставила человеку, либо закреплявшую особенно яркие, казавшиеся важными или повторявшиеся впечатления действительности. Признак мотива – его образный одночленный механизм <...> Простейший род мотива может быть выражен формулой $a + b$: злая старуха не любит красавицу – и задает ей опасную для жизни задачу» [Веселовский, 1989, с. 300]. Также уместно упомянуть дефиницию А. Л. Бема: мотив – это «предельная ступень художественного отвлечения от конкретного содержания произведения, закрепленная в простейшей словесной формуле» [Литературная энциклопедия терминов и понятий, 2001, стб. 594]. Такое явление, как полет, безусловно, относится к мотивам художественного произведения. Формула «нечто или некто летит / летает / взлетает» постоянна и может включать разные элементы, которые выполняют разные функции в развитии сюжета. Полет сопровождается различными коннотациями – от скорбных до восторженно-счастливых, – быть реальным или мистическим (сказочным), быть полетом вниз или вверх, и т. д. Анализ мотива полета как отдельного структурного элемента сюжета является значимой частью целостного филологического анализа того или иного текста.

Актуальность предпринятого анализа мотива полета определяется также выбором в качестве материала исследования региональной литературы: стихотворений новокузнецкого поэта Александра Дмитриевича Раевского (род. 11 августа 1951 г., Каргатский р-н Новосибирской обл.). А. Д. Раевский – член Союза писателей России с 1995 г., лауреат премии журнала «Наш современник» (2003), автор сборников «Полуденный костёр» (1984), «Пьяные цветы» (1994), «Сугробчик» (1999), «Забураненный рай» (2005), «Стеклянная лестница в небо» (2011), «Ласковая высь» (2016), «Судьба России» (2018), «Золотой жук» (2021) (см.: [Современная литература Кузбасса, 2022, с. 343; Сазыкин, 2021, с. 172–173]). Его творчество представлено не только в литературном альманахе «Кузнецкая крепость» и в региональных справочных изданиях (см.: [Сазыкин, 2021, с. 173–174]), но и в хрестоматии «Писатели Кузбасса» [2007, с. 380–392], допущенной департаментом образования и науки Кемеровской области в качестве книги для чтения в 5–11 классах общеобразовательных учреждений региона, в собрании поэзии и прозы кузбасских авторов «Классика земли Кузнецкой» [Современная лите-

ратур Кузбасса, 2022, с. 306–343]. Литературоведческая характеристика сборников «Стеклянная лестница в небо», «Ласковая высь» и «Судьба России» представлена в книге А. С. Сазыкина о творчестве кузбасских писателей [Сазыкин, 2021, с. 61–82].

Чтобы целостно рассмотреть мотив полета в лирике Раевского, его тексты целесообразно классифицировать по разным основаниям. Во-первых, с мотивом полета ассоциируется вопрос о летающем объекте. Во-вторых, мотив полета занимает важное место в поэзии Раевского и соотносится с широким кругом тем. В зависимости от летающего объекта / объектов и лирического сюжета, в который они вовлекаются, мотив полета реализуется по-разному, выполняет разные функции, соотносится с разными темами и мотивами. Классификация, к которой мы обратимся при анализе стихотворений с мотивом полета, – тематическая.

Результаты исследования

Летающим объектом в лирике Раевского являются: 1) птицы, насекомые и другие существа, действительно летающие в природе (чайки в одноименном стихотворении, бабочки в «Красном вечере» и «Белокуром мальчике», шмель в «Белокуром мальчике», «птихи» в «На родине», ласточки в «На краю»); 2) неодушевленные природные объекты (облака в «Бабушкиных словах», «На краю», «Глядя в небо», листья в «Подружке» и «Сухо. Тучи еще не вползли серой бандой...»); 3) существа и предметы, быстрое движение которых уподобляется полету (кони в одноименном стихотворении, тройка лошадей в «Открытке», рука матери в «Молодая мама своему сыночку...»); 4) сказочные и мифологические существа и сущности (крылатый конь в «В светлом доме своем...»), ангел в «Ангел летал над морем...», ангелы в «Белокуром мальчике», дерево вечности в одноименном стихотворении, ведьма на метле в «В отпуске»); 5) абстрактные сущности (время в «Мы на лавочку присядем, где забор...»), тишина в «После молебна»); 6) психологические и метафизические объекты (душа в «Наевшись жизни оголтелой...»), мысли и сердце в «Подружке», душа, мысли и сердце в «Глядя в небо»); 7) сам герой и другие люди (герой в «Бабушкиных словах», «Пройдя сомненья, прегрешенья...»), «Глядя в небо», героиня в «Зодиакальной несовместимости», герой и героиня в «В светлом доме своем...»).

Представим тематическую классификацию стихотворений с выявленным мотивом полета: 1) стихотворения, в которых сюжет полета является центральным («В светлом доме своем...»), «Глядя в небо»); 2) стихотворения, связанные с темой детства и образом родины, ностальгии, воспоминаний («Белокурый мальчик», «На родине», «Бабушкины слова», «На краю», «Молодая мама своему сыночку...», «Мы на лавочку присядем, где забор...»), «В отпуске», «Открытка»); 3) пейзажные стихотворения, сюжет которых строится вокруг природных образов («Чайки», «Красный вечер», «Кони», «Сухо. Тучи еще не вползли серой бандой...», «Подружка»); 4) любовная лирика («В светлом доме своем...», «Зодиакальная несовместимость»); 5) философские стихотворения с метафизической, экзистенциальной проблематикой («Ангел летал над морем...», «Наевшись жизни оголтелой...», «Дерево вечности», «После молебна», «Пройдя сомненья, прегрешенья...», «Глядя в небо»).

Обозначенные темы существуют во взаимосвязи, при этом мотив полета выполняет ряд функций:

1) передает психологическое состояние лирического героя – например, просветление, радость, стремление к духовной высоте («Глядя в небо», «Бабушкины слова»), влюбленность («В светлом доме своем...»), страсть («Зодиакальная несовместимость»), усталость («Сухо. Тучи еще не вползли серой бандой...»), горе («На краю»), созерцательный покой («Красный вечер»);

2) становится элементом философской тематики стихотворения, соотносясь с темами смысла жизни, смерти, души («Ангел летал над морем...», «Наевшись жизни оголтелой...»), «После молебна», «Глядя в небо», «Дерево вечности»);

3) является элементом пространства, позволяющим ярче и эмоциональнее развить локально-темпоральную семантику стихотворения («В отпуске», «Подружка», «На родине», «Кони», «Открытка»).

Взаимодействие тем и приемов реализации различных функций мотива полета обнаруживается в результате анализа нескольких стихотворений.

В стихотворении «**В светлом доме своем, в день зеленый и ясный...**» образ ветра и мотив полета связаны с темой любви, полета к мечте. В тонах русского фольклора лирический герой рисует романтическую картину своей любви-мечты: возлюбленная для него – Василиса Прекрасная, сам он – сказочный царевич, который собирается прискакать за ней «на небесном коне» [Раевский, 2021, с. 59]¹. Конь описывается как летающий, что указывает на связь этого образа с образом Пегаса, а значит – на связь мотива полета с темой творчества, вдохновения. Единство неба и сказочно-романтического мира просматривается начиная с первого стиха: дом героини – «*светлый*», день – «*ясный*», конь – «*небесный*».

Во второй строфе более детально описывается сам полет – мечта о единстве и взаимности: «На ходу подхватчу и умчу, **словно ветер**, / Осторожно тебя прижимая к себе; // Будет грива ласкать твои джинсы и свитер, / **Улетим**, растворимся в единой судьбе!..» (здесь и далее выделено нами. – И. П., Ю. П.). Опьяненный любовью лирический герой сравнивает с ветром самого себя: ветер отождествляется со свободой и сильным чувством. Он мечтает забрать героиню из замкнутого пространства – дома – в пространство разомкнутое, одухотворенное: в небо, в полет. На то, что описано именно стремление к взаимности, а не насильственному похищению, указывают мотивы нежности и заботы, выраженные эпитетом «*осторожно*». Полет для героя – возможность «*раствориться в единой судьбе*», утопическая мечта о духовном слиянии с возлюбленной.

Вместе с тем в этой строфе уже заметна самоирония: грива сказочного коня «*ласкает*» не романтическое платье или сарафан героини, а ее джинсы и свитер. С этой бытовой деталью в стихотворение входит противопоставление романтической сказочной мечты и приземленной бытовой реальности: возлюбленная отвергает героя, посчитав, что они не ровня друг другу (видимо, по материальным основаниям). Печаль и боль от этого отвержения выражаются в лексике с уже совсем другими коннотациями – едкой, разговорно-сниженной: «*не учел, что звезда*», «*запросы покруче*», «*нереально к тебе подкатить*». В соответствии с победой приземленного быта над мечтой о полете, летающий конь превращается в автомобиль: «*Денег нет у меня на “Роллс-Ройс” или “Бентли”, / Да и просто коня в наши дни не сыскать*». Лирический герой шутливо соотносит сказочного коня с дорогими машинами, используя языковую игру: «*нереально к тебе подкатить, подскакать*» – разговорно-грубоватый глагол «подкатить» соседствует с глаголом, указывающим на погибшую мечту о сказочном коне и полете, происходит буквализация метафоры («подкатить» – не только «ухаживать, напористо добиваться взаимности», но и «приблизиться, подойти», «подскакать» на коне с надеждой на эту взаимность). В подтексте просматривается также ироничная деметафоризация устойчивого оборота «принц на белом коне».

Упрек в адрес героини, которая предпочла материальные ценности любви и сказочной мечте, не выражен явно, но просматривается в первой строке последней строфы, где вновь возникает не приземленно-бытовая, а романтическая образность: «*Я стою в стороне, отрешенный и бледный*». Бледность, одиночество – устойчивые образы в романтической поэзии, знаки высокого трагического чувства, которые автор вписывает в бытовой мир, пропитанный самоиронией. Можно заключить, что в данном тексте ветер и полет связаны с мечтой о взаимной любви и свободе, с романтическим двоемирием; при этом романтическое, сказочное (высокое) проигрывает бытовому (низкому). Несостоявшийся полет отождествляется с несостоявшейся любовью.

¹ Далее произведения А. Д. Раевского цитируются по этому изданию с указанием номера страницы в круглых скобках.

Как и в «В светлом доме своем...», центральным мотив полета является в стихотворении «**Глядя в небо**». Уже из заглавия понятна его пространственная организация: устремленность снизу вверх, в небеса. Стихотворение посвящено философской, метафизической проблеме, и полет является в нем способом уйти от «низа» (материальной реальности) «ввысь» (в небо). Как и другие подобные тексты Раевского («Ангел летал над морем...», «Пройдя сомненья, прегрешенья...» и др.), стихотворение строится на рядах контрастных образов, формирующих картину романтического двоемирия: «грешная земля», «житейская сухая зола», «проклятая цивилизация» – «чистые выси», «поднебесье», «свободных мыслей парение» (с. 97). Лирический герой мыслями и чувствами устремляется от первого мира во второй, ввысь, в метафизический, ментальный полет; летающим объектом, таким образом, становится он сам, вся его личность. Далее мы пронаблюдаем подобное только в сюжете детских снов героя о полете в «Бабушкиных словах»; впрочем, здесь речь идет уже не о полете в детских мечтах, а о зрелом полете-познании, духовном восхождении, что скорее близко стихотворению «Пройдя сомненья, прегрешенья...», где герой сам о себе говорит: «*Могу парить над суетой*», – но, однако, мотив полета не прописан так детально. Герой обращается к образу самого себя в детстве, будто заново вспоминая о своей устремленности к полету: «*Вижу: замер под небом пацан – // Это ж я в дальнем детстве, Господи!*»; «*И опять, как тогда, хочу // **В поднебесье летать, кувыркаться!***» Нейтральный глагол «летать» дополняется шутивно-радостным, по-детски игривым «кувыркаться»; ср.: в «Бабушкиных словах» небо и полет также связаны с детским светлым и наивным мировосприятием, с радостью, свободой, игрой. Как и в стихотворении «Подружка», к которому мы обратимся ниже, выстраивается параллелизм природных и психологических летающих объектов: сам лирический герой («*Оторваться от грешной земли...*»), его душа («*В чистых высях душа купается*»), мысли («*Свободных мыслей парение*»), время («*Облака – века, века – облака...*») – облака, заключенные в метафорическом образе «подвижного жемчужного города». Небесный облачный город противопоставлен суетному земному пространству – «*проклятой цивилизации*», от которой устала душа персонажа (отметим, что цивилизация, город редко воплощают нечто положительное в стихах Раевского – всё светлое для него обычно связано с природой и деревней). Как и в стихотворении «На краю», облака символизируют ход времени, вечность, историю (отсюда зеркальный повтор «*облака – века, века – облака*»); с ними связан полет «свободных мыслей» (семантика свободы еще ярче закрепляется в отглагольном существительном «парение» – свободный, расслабленный полет без усилий, как у птиц) и «людей неземная тоска». В этом образе лирический герой будто объединяет свои мечты о полете и свободе, свой полет ввысь – с мечтами и стремлениями людей вообще. «Неземная тоска» по высшему является экзистенциальной категорией, объединяющей разные грани мотива полета у Раевского.

Синтез двух крылатых образов – бабочки и ангела – наблюдается в стихотворении «**Белокурый мальчик**», которое открывает ряд текстов, связанных с темой детства, образом родины и настроением ностальгии. Мальчик, играющий в траве, является символом детства – чистоты, невинности, родства с природой, бесхитростной радости жизни; «*ангелы легко, как бабочки, вились*» (с. 15) над его головой, поскольку детство – самое чистое, наиболее приближенное к небу (т. е., в религиозной картине мира Раевского, к богу) состояние. Как и душа, воспарившая ввысь в «Наевшись жизни оголтелой...», как и люди, задумчиво замершие на закате в «Красном вечере», мальчик получает благословение свыше, и это благословение связано с состоянием легкости (эпитет «*легко*»), мотивом полета и образом крыльев. Семантическое звено «крылья» объединяет бабочку и ангела – часть природы и духовную, метафизическую сущность, живую красоту и чистоту; они сосуществуют в образе ребенка. Светлый, умиленный тон стихотворения поддерживается обилием эмоционально окрашенных деталей – «*добрый*» шмель (еще один связанный с полетом природный образ), кашка, ветер, запах молока, – и уменьшительно-ласкательными формами: «*коротенькая*» рубашка, «*ручон-*

ки», «молочко», «маковка». Детство становится центральной темой, с которой соотносится мотив полета души.

В стихотворении «**На родине**» в соприкосновение с мотивом полета вступает еще одна важная тема, заявленная в заглавии. Как и любовь, красота, душа, детство, родина является высшей ценностью, связанной с активной духовной жизнью, сильными чувствами, – поэтому ей тоже сопутствует полет, воплощенный (как в стихотворении «Чайки») в образе птиц: «*проносятся птахи*» (с. 135). Разговорно-ласковая номинация «птахи» дополняет ностальгический образ родной земли; динамичный глагол «*проносятся*» напоминает о быстротечности времени – ведь лирический герой погружен в воспоминания. Мотив полета соседствует с идиллически светлым пейзажем и образом детства (подобную особенность реализации мотива мы наблюдаем в стихотворении «Белокурый мальчик»), правда, теперь уже не абстрактного детства, а личного прошлого лирического героя. Пространство родины – очевидно, малой родины, родного села или деревни, – изображено с помощью ярких, метафорических природных образов, воплощающих родство человека и природы, его восхищение ею: «*раскудлатилась верба*» (отметим яркий окказионализм и олицетворение: верба романтически уподобляется растрепанной девушке), «*безбрежие хлебное*» (метафора поля), «*август <...> шумит в голове*», «*сердце в зеленом*». Неприметные «птахи», как и гогочущие гуси (связанные, однако, скорее с сельским бытом, чем с полетом), слегка теряются среди этого природного изобилия.

В центре оказывается образ ребенка, чье чуткое восприятие улавливает детали лета на родине, чтобы навсегда запечатлеть их в памяти: «*И снова мальчонка в цветастой рубашке // Бежит к недалекой воде*» (рубашка, уменьшительно-ласкательная форма слова («мальчонка») – эти детали роднят текст с «Белокурый мальчиком»: и там, и там наблюдается идеалистическое, возвышенное восприятие детства). Воскрешая светлый образ малой родины и себя-мальчика в памяти, лирический герой рисует безмятежную, лишённую тревог о будущем картину (сердце «*вовсе не хочет гадать и болеть наперед*»); метафора «рисовать картину» эксплицируется в двух последних строках: «*Коль эта картина дороже и ближе // Любых репродукций с нее*». Родина дороже любого другого места, память о ней – подлинная картина, а всё другое – лишь копия, репродукция, подделка. Мотив полета, соответственно, оказывается связан с истиной, настоящей сутью вещей – как в «Красном вечере», «Ангел летал над морем...» и ряде других текстов.

В крупном стихотворении «**Бабушкины слова**» мотив полета вновь связан с несколькими ключевыми для творчества Раевского темами: детство, память (герой вспоминает себя-ребенка, как и в «На родине», отчасти в «Белокурый мальчике»), но на этот раз акцент ставится на теме семьи, а именно на образе ныне покойной бабушки; образ, напрямую соотносённый с полетом – детские сны героя, где он летает); вера в бога (рассказы бабушки о боге как о добром старце в облаках, к которому можно взлететь или подняться, соотносятся с поисками бога и смысла жизни, которым предается взрослый лирический герой); время, старость, смерть («*Я в немилый живу стороне, // Срок пожизненный будто мотаю <...> Поседела давно голова*» (с. 10–11), – устало размышляет лирический герой); душа и жизнь души. Именно с активной душевной жизнью и светлым детским восприятием связаны сны о полетах на небо, мечты о приближении к «*боженьке*» по «*стеклянной лестнице в небо*». Давно ушедшая бабушка («*в холодной земле <...> Ты почил в платке и с иконкой*») будто унесла с собой вечные нравственные ценности, схожие с теми, что воплощены в образе скрижалей в «Дереве вечности».

Лестница в небо, по рассказам бабушки, находилась «*за березкой*»; отметим, что береза – важный образ в поэзии Раевского (как и, например, Есенина, на художественный мир которого он явно во многом ориентируется), символ родной земли; далее мы встретим образ березы в «Красном вечере», он является центральным в «Подружке». Мальчик раз за разом приходит к заветной березе, но не находит там никакой лестницы – «*И всё же // Не стихала надежда в груди – // **Взмыть** к тебе, о неведомый Боже!*» Динамичный и одновременно

возвышенный глагол «взмыть» впервые вводит в текст мотив полета – возвышения, стремления к Богу, по-детски чистого порыва к красоте и истине, а также к познанию, с которым связан эпитет «неведомый». Тем не менее маленький лирический герой не жаждет нарушить тайну о Боге; его цель – не познание истины или собственного будущего, не мольба о счастье («Только взрослые верят в такое», – подчеркивает он; прагматичное взрослое мировосприятие противопоставлено детскому – наивному, открытому, бесхитростно-созерцательному; такой же контраст мы уже наблюдали в «На родине»: «Сердце <...> не хочет // Гадать и болеть наперед»), а просто увидеть Бога, познакомиться с ним: ребенка ведет созерцательное любопытство. «Просто облако выбрать себе, // Лечь на пузо и плыть над землею», – так он представляет этот полет. Разговорно-шутливое слово «пузо», которое легко представить в детской речи, подчеркивает идиллическую, наивную картину мира ребенка, в котором Бог – не абстрактная метафизическая сущность, а добрый старец на небесах. Образ облака способствует эффекту осязаемости, эмпирической конкретике: герой летит не сам по себе, а лежа на облаке – частичке неба. Глагол «взмыть» (движение снизу вверх) сменяется глаголом «плыть» – рисуется картина плавного, медлительного полета, герой будто купается в небе, как в морских волнах, а облако служит ему «лодкой» (в стихотворении «Чайки», рассмотренном далее, мотив полета тоже включает синтез образов неба и моря). Глагольный ряд, изображающий полет, продолжает слово «пролетать»: «Это ж чудо! – легко пролетать, // Голубой высоты не бояться...» «Пролетать» включает семантический компонент «мимо»: в своем сне-фантазии герой пролетает мимо чего угодно – на небе и на земле, – обретая абсолютную свободу. Косвенно с полетом соотносится и глагол «не бояться»: герой отрывается от земли, но не боится «голубой высоты» – духовного, небесного мира; полет, таким образом, связан со свободой и бесстрашием.

Во второй части стихотворения интонация резко меняется: с идиллической, ностальгической – на элегическую, печальную. Взрослый лирический герой констатирует свою старость («Поседела давно голова»), грусть и тщету своей жизни («прозябаю», «Срок пожизненный будто мотаю»; в последнем сравнении содержится образ тюрьмы – земная неволя противопоставляется небесной свободе). С этим трагическим глагольным рядом закономерно связано и отсутствие полета, пребывание на земле, скованность души: «Даже в мыслях давно не летаю». Взросление осмысливается как утрата полета, падение с небес на землю. Тем не менее, герой хранит в памяти «золотые слова» бабушки – воплощение вечных нравственных ценностей, жизни души, красоты и свободы. Он обещает во что бы то ни стало найти «лестницу в небо» – «хотя б перед самой могилой»; полет, связанный с любовью и памятью, способен победить саму смерть. Образ стеклянной лестницы, над которой «облака ходят плавно и нимо», завершает развитие мотива полета в стихотворении, вновь возвращая сюжет к плавному движению по небу и образу облака – к детским снам героя.

Таким образом, стихотворение о памяти и ходе времени рисует своеобразную «траекторию» полета – «вверх – вниз – вверх», выраженную глагольными формами: «взмыть» – «плыть» – «пролетать» – «не летаю» – «облака ходят». От детского мечтательного порыва ввысь, полетов во сне, веры в бога и красоту герой приходит к взрослению, познанию печальной стороны жизни, нахождению «на земле» – и вновь к обретению вечного, высокого, к подъему по уже иной лестнице в небеса.

К ряду стихотворений Раевского, объединенных темами деревни, родины, памяти о детстве («Белокурый мальчик», «На родине», «Бабушкины слова», «Открытка»), относится также трагическое стихотворение «На краю» с посвящением «Памяти уснувших деревень». Автор рассматривает социальную национальную проблему – вымирание деревень, связанное с урбанизацией и историческими потрясениями: двумя мировыми войнами, индустриализацией, перестройкой, оскудением аграрного комплекса страны; делает он это в личном, лирико-психологическом ключе, рисуя мрачную картину смерти родных мест. Как и в «Бабушкиных словах», счастье, красота, добро для героя остались в утраченном прошлом. Стихотворение

наполняют слова с семантикой смерти, похорон: *«тоска», «добивали», «убивали», «отходная», «забвение»* (с. 16); даже тополя метафорически сравниваются с обелисками.

В атмосферу безысходности, тем не менее, вписан мотив полета. Сначала он входит в текст с образом облаков, вновь напоминающим о «Бабушкиных словах»: *«А по небу плывут надменно // Равнодушные облака»*. Полет воплощен в глаголе *«плывут»*, но теперь это не безмятежно-спокойное купание в небе, как в море (подобное наблюдаем в «Бабушкиных словах», «Чайках»), а холодное равнодушие смерти или вечности, образ природы, отчужденной от человека и даже жестокой к нему: облака плывут *«надменно»*, небесный мир будто свысока и с осуждением смотрит на то, чему люди подвергли русскую деревню. Во второй раз мотив полета фигурирует в конце текста: *«Над бугром, где была изба, // Иногда пронесутся ласточки, // Бритвокрылые, как судьба...»* Пустой бугор на месте избы напоминает могилу – былая жизнь похоронена. Образ летящих птиц или насекомых в поэзии Раевского обычно связан с жизнью, возрождением, духовностью («Чайки», «На родине», «Белокурый мальчик», «Красный вечер» и др.); ласточки – птицы весны – тоже традиционно являются символом возрождения, юности и счастья. Однако в «На краю» семантика этого образа трагична: ласточки летят над местом «захоронения» избы и наделены ярким окказиональным эпитетом *«бритвокрылые, как судьба»* – острота их крыльев соотносится с бритвой, лезвием, чем-то режущим и опасным, и эта опасность, как и весь образный ряд текста, связана с неотвратимостью рока, смертью.

Можно заключить, что в «На краю» мы впервые наблюдаем исключительно «темную» сторону мотива полета; он впервые связан не с красотой, жизнью души и новой надеждой, а со смертью, безысходностью, болью и гневом лирического героя. С семантикой смерти полет связан и в произведениях *«Ангел летал над морем...», «Наевшись жизни оголтелой...»*, но в них смерть рассматривается в христианском ключе – как переход души в лучший, вечный мир, вознесение. В данном же случае полет *«равнодушных»* облаков и *«бритвокрылых»* ласточек подан скорбно, пессимистически: они будто уносят души разрушенных деревень в мир иной.

В стихотворении *«Молодая мама своему сыночку...»*, вновь связанном с темой детства и воспоминаниями взрослого лирического героя, представлена, пожалуй, самая необычная форма мотива полета – летающим объектом является рука матери, вышивающей сорочку сыну: *«Над шитьем витала легкая рука...»* (с. 41). Как и в рассмотренных выше текстах, мотив полета соотносится с детскими воспоминаниями, легкостью, красотой, идиллическим утраченным прошлым, верой в бога (за рукоделием матери *«С трех икон святые молча наблюдали»*). Глядя на идиллическую счастливую картину, взрослый лирический герой горько констатирует: *«Дорогая мама, как ты угадала, // В стороне далекой, после, без тебя, // Вышила сыночку (ниток было мало) // В крестик черно-белая судьба»*. Детская безмятежность обернулась разлукой с малой родиной (*«в стороне далекой»*), утратой близких (*«после, без тебя»*), несчастливой жизнью, полной горя и противоречий (как и в «Бабушкиных словах», где идиллическая атмосфера детского прошлого сменяется мрачным настоящим): эпитет *«черно-белая»*, характеризующий судьбу, отражает присущее лирическому герою Раевского пессимистически-романтическое восприятие жизни. Мотив полета, тем не менее, сохраняет только положительные коннотации. Отметим также, что уже во второй раз он соотносится с образом родной женщины – ныне покойной, но любимой лирическим героем: в «Бабушкиных словах» отражена мечта о полете к Богу, почерпнутая ребенком из рассказов бабушки, здесь – поэтический образ материнской руки, легко витающей над вышиванием.

Необычно подан мотив полета в стихотворении *«В отпуске»*. Летающим объектом в нем является сверхъестественное существо – ведьма (впрочем, не названная прямо): *«Кто там пронесся на метле?...»* (с. 136–137). Сверхъестественные существа – ангел, крылатый конь – летают и в других стихотворениях Раевского, однако «В отпуске» отличается скорее не сказочным или метафизически-философским, а мистическим колоритом. Описание сельской ночи, манящей и таинственной, перетекает в воспоминания лирического героя – зрелого, же-

натого человека – о беззаботной юности, когда он был очарован всем миром и свободен от обязательств. Соотнесение прошлого и настоящего, ностальгия – постоянные темы в поэзии Раевского («На родине», «Бабушкины слова», «Мы на лавочку присядем, где забор...»), но здесь они разворачиваются особенно детально: первые свидания проносятся перед героем «чредой загадочной, незримой», овеванные таинственным флером сельской ночи. «Мир теплый и зеленый», «месячко», звездное «неба решето», встречи юных любовников, «молодости села», в тишине леса – всё созвучно фольклорным образам, и не случайно в стихотворении вписывается аллюзия на «Вечера на хуторе близ Диканьки» Гоголя: «Белеют избы, дремлют баньки, // И светел пруд... Как близ Диканьки! // (Кто там пронесся на метле?..)» Пожалуй, нигде так ярко, как в повестях Гоголя, не описаны «таинства» сельской ночи, изнанка бытового мира, скрывающая непознанное – страсти, волшебство, нечистую силу. Соприкосновение с непознанным, «ночным» миром эмоций у Раевского воплощено в гоголевском образе ведьмы на метле (подобное наблюдается в стихотворении «Зодиакальная несовместимость», в котором образ ведьмы фактически сливается с образом возлюбленной). Полет оказывается, как и в ранее приведенных стихотворениях, связанным с любовью, с иррациональной стихией жизни, хотя, в отличие от «Зодиакальной несовместимости» и «В светлом доме своем...», это былая, давно прошедшая любовь (в настоящем – «земля», прочный брак, не похожий на «пору свиданий»). Мотивом полета актуализирована семантика памяти о прошлом, молодости и красоты, одна из коннотаций полета – нечто непознанное, мистическое. Также отметим, что, используя мотив полета, Раевский неоднократно обращается к русской классике: в отличие от «Ангел летал над морем...», где можно лишь предположить имплицитное обращение к Лермонтову, в «В отпуске» открыто использован гоголевский топоним.

В стихотворении «Открытка» мотив полета сопряжен с образом коня или лошади – точнее, русской тройки. В поэзии Раевского кони «летят» – буквально или метафорически – неоднократно: сказочный крылатый конь в «В светлом доме своем...», улетевший в небо табун коней в одноименном стихотворении. В данном случае, однако, образ лошадей соотносится не с любовным сюжетом и не с красотой и гармонией природы, а с образом России, с ностальгией по родине. Лирический герой посылает на Рождество героине (судя по посвящению, его адресатом является именно женщина) открытку, напоминающую о родной стране; можно заключить, что героиня живет за границей, и открытка становится для нее символом родной страны. Этот символ должен иметь не электронную, а физическую форму, служить сентиментальным напоминанием, воплощением связи с родной землей, и герой постоянно это подчеркивает: «не Интернетом прытким, // А на почте марку прилеплю, // В Рождество пришлю тебе открытку»; «Может, не отправишь сразу в спам, // А, как раньше, к зеркалу приставишь» (с. 31). Мотив полета выражен в единственной фразе: «Удаль белогрудая летит – // В алых сбруях, в звонах под дугою».

Три белых коня, фоном которым служит «хрусткая сибирская зима», – более чем очевидный символ России, закрепленный в фольклоре, известной одноименной песне и – самое значимое – в «Мертвых душах» Гоголя (знаменитый лирический монолог повествователя о Руси-тройке, несущейся невеста куда – метатекст, посвященный анализу русской души). Обращаясь к фольклорной метафоре «удаль белогрудая», к литературной традиции (гоголевские мотивы в связи с мотивом полета мы уже наблюдали в стихотворении «В отпуске»), Раевский развивает образ России, Руси-тройки, летящей вперед, в неведомое будущее, вопреки всем историческим потрясениям. Образ «красно-сине-белая Россия» еще раз актуализирует тройственность: три коня в русской тройке, три цвета в русском флаге, три как священное, символическое для русской культуры число. Как и в «На родине», «Бабушкиных словах», «На краю», мотив полета соотносится с образом родины, с памятью о ней и тоской по ней; как и в любовных или философских стихах Раевского – со стихией жизни, иррациональной и неуправляемой.

Заключение

Мотив полета в творчестве А. Д. Раевского связан с философско-метафизическими, сентиментально-ностальгическими, природными, любовными темами и сюжетами и выполняет ряд функций:

1) передает психологическое состояние лирического героя – например, просветление, радость, стремление к духовной высоте, влюбленность, страсть, усталость, горе, созерцательный покой;

2) становится элементом философской тематики стихотворения, соотносясь с темами смысла жизни, смерти, души;

3) является элементом пространства, позволяющим ярче и эмоциональнее развить локально-темпоральную семантику стихотворения.

Филологический анализ мотива полета как одной из содержательных доминант стихотворений А. Д. Раевского разных лет позволяет раскрыть важный аспект идиостиля поэта.

Список литературы

- Веселовский А. Н.** Поэтика сюжетов // А. Н. Веселовский. Историческая поэтика. М.: Высш. шк., 1989. 405 с.
- Гаспаров М. Л.** О русской поэзии: анализы, интерпретации, характеристики. СПб.: Азбука, 2001. 480 с.
- Есин А. Б.** Принципы и приемы анализа литературного произведения: Учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 1998. 248 с.
- Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А. Н. Николюкина; Ин-т научной информации по общественным наукам РАН. М.: Интелвак, 2001. 1600 с.
- Писатели Кузбасса. Хрестоматия. Проза, поэзия / Отв. ред. А. В. Правда. Кемерово: ИПП «Кузбасс», «СКИФ», 2007. 496 с.
- Раевский А. Д.** Золотой жук. Стихи разных лет. Сборник стихотворений / Ред. Б. В. Бурмистров. Кемерово: Вектор-Принт, 2021. 160 с.
- Сазыкин А. С.** «...А здесь, во глубине России»: статьи о региональной литературе / Науч. ред. И. А. Пушкарева, отв. ред. В. А. Галактионов. Новокузнецк: НФИ КемГУ; Красноярск: Ситалл, 2021. 226 с.
- Современная литература Кузбасса // Классика земли Кузнецкой: В 3 т. / Сост. Б. В. Бурмистров, С. Л. Донбай, Г. И. Карпова. Кемерово: Кузбасский центр искусств, 2022. Т. 3. 594 с.

References

- Esin A. B.** Printsipy i priemy analiza literaturnogo proizvedeniya: uchebnoe posobie [Principles and Techniques for Analyzing a Literary Work: Tutorial]. Moscow, Flinta: Nauka, 1998, 248 p. (in Russ.)
- Gasparov M. L.** O russkoi poezii: analizi, interpretatsii, kharakteristiki [Russian Poetry: Analyses, Interpretations, Characteristics]. St. Petersburg, Azbuka Publ., 2001, 480 p. (in Russ.)
- Nikolyukin A. P.** (ed.). Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatii [Literary Encyclopedia: Terms and Concepts]. Moscow, Intelvak Publ., 2001, 1600 p. (in Russ.)
- Pravda A. V.** (ed.). Pisateli Kuzbassa. Khrestomatiya. Proza, poeziya [Writers of Kuzbass. Chrestomathy. Prose, poetry]. Kemerovo, IPP “Kuzbass”, “SKIF” Publ., 2007, 496 p. (in Russ.)
- Raevsky A. D.** Zolotoi zhuk. Stikhi raznykh let [The Golden Bug. Poems of Different Years]. Kemerovo, Vektor-Print, 2021, 160 p. (in Russ.)
- Sazykin A. S.** “A Zdes’, Vo Glubine Rossii...”: stat’i o regional’noi literature [“Here, Deep in Russia...”: Articles on Regional Literature]. Novokuznetsk, Novokuznetsk Institute (Branch) of Kemerovo State Uni. Press, 2021, 226 p. (in Russ.)

Sovremennaya literatura Kuzbassa [Modern Literature of Kuzbass]. In: Klassika zemli Kuznetskoi. [Classics of Kuznetsk]. In 3 vols. Kemerovo, Kuzbasskii tsentr iskusstv Publ., 2022, vol. 3, 594 p. (in Russ.)

Veselovsky A. N. Poetika syuzhetov [Poetics of Plots]. In: Istoricheskaya Poetika [Historical Poetics]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 1989, 405 p. (in Russ.)

Информация об авторах

Ирина Алексеевна Пушкарёва, доктор филологических наук, доцент

Scopus Author ID 57196727270

WoS Researcher ID AAB-5081-2022

RSCI Author ID 417087

SPIN 6918-1060

Юлия Евгеньевна Пушкарёва, кандидат филологических наук

RSCI Author ID 936540

Information about the Authors

Irina A. Pushkareva, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor

Scopus Author ID 57196727270

WoS Researcher ID AAB-5081-2022

RSCI Author ID 417087

SPIN 6918-1060

Yulia E. Pushkareva, Candidate of Sciences (Philology)

RSCI Author ID 936540

Вклад авторов:

И. А. Пушкарёва – сбор и анализ материала, систематизация результатов, разработка методики исследования, подготовка текста.

Ю. Е. Пушкарёва – анализ материала, систематизация результатов, подготовка текста.

Contribution of the Authors:

Irina A. Pushkareva collected and analyzed sources, systematized results, developed the methodology and approaches, prepared the text of the article.

Yulia E. Pushkareva analyzed sources, systematized results, prepared the text of the article.

*Статья поступила в редакцию 08.08.2023;
одобрена после рецензирования 06.10.2023; принята к публикации 09.10.2023
The article was submitted on 08.08.2023;
approved after reviewing on 06.10.2023; accepted for publication on 09.10.2023*